

ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА

ЭДГАР ПО

РАССКАЗЫ

ТОМ I

ПЕРЕВОД И. А. ЭНГЕЛЬГАРДА

БЕРЛИН МСМХХІІІ

ЗОЛОТОЙ ЖУК.

Смотрите! смотрите! этот малый пляшет,
как бешеный: его укусил тарантул.

All in the Wrong.

Несколько лет тому назад я подружился с Вильямом Леграном. Он принадлежал к старинной протестантской семье и был когда-то богат, но ряд неудачных предприятий довел его до нищеты. Горести и унижения, последовавшие за этим несчастьем, заставили его покинуть родину, Нью-Орлеан, и переселиться на остров Сюлливана, близ Чарльстона в Южной Каролине.

Это удивительный остров: почти весь из морского песка. Длина его три, наибольшая ширина — четверть мили. Он отделен от материка едва заметным рукавом, протекающим сквозь тину и густые камышовые заросли, — приют болотных курочек. Растительность, как легко себе представить, судная, низенькая; больших деревьев нет. Только на западной оконечности острова, вокруг форта Моультри и жалких домиков, занимаемых летнее время чарльстонскими жителями, спасающимися от городской пыли и духоты, — раскинулись рощицы колючих низеньких пальм; но, за исключением этого местечка и полосы плотного белого песка вдоль берега, весь остров покрыт густыми зарослями душистого мирта, столь ценного английскими садовниками. Местами этот кустарник достигает пятнадцати-двадцати футов в высоту, образуя почти непроницаемую чашу и наполняя воздух благоуханием.

В самой глуши этих зарослей, недалеко от восточной оконечности острова, Легран выстроил себе хижину, где и жил в то время, когда я совершенно случайно познакомился с ним. Знакомство вскоре превратилось в дружбу,

так как многие черты в характере отшельника внушали сочувствие и уважение. Я убедился, что он получил хорошее образование, обладает недюжинным умом, но заражен человекобоязнью и подвержен странным перепадающим припадкам восхищения и грусти. Он захватил с собою много книг, но почти не занимался чтением. Любимым его времяпрепровождением была охота, рыбная ловля, прогулки по морскому берегу и среди зарослей, собирание раковин и насекомых. Его энтомологической коллекции позавидовал бы Свамердам. В этих экскурсиях сопровождал его старик негр, Юпитер, служивший в семье еще до разорения. Ни угрозы, ни обещания не могли заставить Юпитера отказаться от того, что он считал своим правом — ухаживать за «молодым масса Биллем». Весьма возможно, что родственники Леграна, опасавшиеся за его рассудок, поддерживали упрямство старого негра, в видах надзора и ухода за отшельником.

Зимы на широте Сюлливан-Айленда редко бывают суровые, и в конце года почти не приходится топить печи. Однако, в половине октября 18** выдался очень холодный день. Перед самым закатом я пробрался сквозь чашу вечно зеленых кустарников к хижине моего приятеля, которого не навещал уже несколько недель. Я жил тогда в Чарльстоне, в десяти милях от острова, а сообщение между этими двумя пунктами было в те времена далеко не так удобно, как ныне. Добравшись до хижины, я постучался по своему обыкновению, но, не получив ответа, отыскал ключ (я знал, где он хранится), отворил дверь и вошел. Яркий огонь пылал в печи. Это была новость, — и очень приятная. Я снял пальто, подвинул стул поближе к весело трещавшим дровам и стал терпеливо ждать хозяев.

Вскоре после заката они явились и приветствовали меня очень ласково. Юпитер, оскалив рот до ушей, принялся ощипывать болотных курочек и стряпать ужин. Легран оказался на этот раз в припадке — как бы точнее выразиться? — восторга. Он нашел неизвестную еще двустворчатую раковину и поймал, с помощью Юпитера, совершенно нового *scaphaeus*, которого обещал показать мне завтра утром.

— Почему же не сегодня? — спросил я, потирая руки перед огнем и мысленно посылая к порту весь род скарабеев.

— Да, если б я только знал, что вы здесь! — отвечал Легран, — но вы так давно не навещали меня; мог ли я угадать, что вы придете именно сегодня. Возвращаясь домой, я встретил поручика Г. из форта и имел глупость отдать ему жука, так что вам не удастся видеть его до завтра. Оставайтесь ночевать; Джэп сбегает за ним на рассвете. Нет ничего прекраснее в мире!

— Прекраснее восходящего солнца?

— Э, к чорту солнцу!.. Я говорю о жуке. Он ярко золотого цвета — величиной с крупный орех — с двумя черными, как уголь, пятнышками на верхнем конце тела, и третьим, подлиннее, на нижнем. Щупальцы — *antennae* и голова...

— *Dei aint no tin in him*. Олова (*aint*) совсем нет, масса Билль, — перебил Юпитер, — жук золотой, весь золотой, вверху и внизу, я никогда не видывал такого тяжелого жука.

— Допустим, что ты прав, Джэп, — возразил Легран. как мне показалось, более серьезным голосом, чем требовали обстоятельства, — но разве из этого следует, что дичь должна подгореть? Действительно, — продолжал он, обращаясь ко мне, — цвет его почти оправдывает мысль Джэпа. Вряд ли вы когда-нибудь видали надкрылья с таким ярким металлическим блеском... да вот, завтра сами увидите. А пока я хочу дать вам понятие о его форме. — С этими словами он уселся за столик, на котором стояла чернильница с пером, но бумаги не было. Он пошарил в столе, и там ничего не оказалось.

— Все равно, — сказал он, наконец, — и эта годится, — и, вытащив из кармана клочек грязной бумаги, набросал пером рисунок. Пока он возился с ним, я попрежнему грелся у огня, так как все еще чувствовал озноб. Кончив рисунок, он передал его мне, не вставая с места. В эту минуту послышался лай, и кто-то стал царапаться в дверь. Юпитер отворил, и огромный нью-фаундленд ворвался в комнату, кинулся мне на плечи и осыпал меня своими собачьими ласками; я подружился с ним

еще в прежние посещения. Когда он уgomонился я взглянул на бумажку и, правду сказать, был очень удивлен рисунком моего друга.

— Да, — сказал я, поглядев на него, — признаюсь, действительно странный скарабей, совершенно новый для меня, никогда не видал ничего подобного, кроме разве черепа. На череп он очень похож.

— На череп? — повторил Легран. — Да. . . пожалуй, на рисунке он несколько напоминает череп. Два черных пятнышка на верхнем конце похожи на глаза, а длинное на нижнем напоминает рот, общая же форма овальная.

— Может быть, может быть, — отвечал я, — но, Легран, боюсь, что вы не мастер рисовать. Дождусь жука, тогда сам увижу.

— Ну, не знаю, — сказал он, слегка обиженный, — я, кажется, рисую сносно, по крайней мере, должен рисовать сносно. Учителя у меня были хорошие, да и сам я, кажется, не дурак.

— В таком случае, мой друг, вы просто шутите, — возразил я, — это очень недурной череп, даже превосходный; я имею в виду обычное представление об этом анатомическом препарате, и если ваш скарабей похож на него, то это действительно самый странный скарабей в свете. Право, он может подать повод к какому-нибудь суеверию. Вы, конечно, назовете его *scarabaeus caput hominis*, или как-нибудь в этом роде: такие названия часто встречаются в естественной истории. Но вы упоминали об *antennae* . . . я их не вижу.

— *Antennae!* — сказал Легран, повидимому, очень горячо относившийся к этому предмету, — неужели вы их не видите? Я нарисовал их так же отчетливо, как они видны у самого жука; надеюсь, этого довольно.

— Ну, ладно, — отвечал я, — может быть, вы и нарисовали, только я их не вижу. — С этими словами я протянул Леграну бумажку, не желая портить его настроение. Но меня удивляла вся эта история, и сбивало с толку его раздражение, так как на рисунке действительно не было никаких *antennae*, и в целом он действительно напоминал череп, как его обыкновенно рисуют.

Он взял бумагу с нетерпеливым движением и хотел скомкать ее и бросить в огонь, но, случайно взглянув на рисунок, остановился, видимо чем-то пораженный. Лицо его густо покраснело, потом сильно побледнело. В течение нескольких минут он внимательно рассматривал рисунок. Затем встал, взял со стола свечу и уселся на сундуке в самом отдаленном углу комнаты. Тут он снова углубился в рассматривание бумаги, вертя ее во все стороны. Однако, ничего не сказал, и хотя его поведение очень удивляло меня, — я не хотел усиливать его раздражение расспросами. Наконец, он достал из кармана бумажник, тщательно уложил в него рисунок и спрягал в конторку, замкнув ее на ключ. Повидимому, он успокоился, но прежнее настроение уже не возвращалось к нему. Впрочем, он казался скорее задумчивым, чем угрюмым. Задумчивость эта росла с часу на час, и все мои попытки рассеять ее оставались тщетными. Я хотел было переночевать в хижине, как часто делал раньше, но, видя хозяина в таком настроении, предпочел уйти. Он не удерживал меня, хотя на прощанье пожал мне руку сердечнее, чем когда-либо.

Спустя месяц (в течение которого я ничего не слышал о Лэгрэне) ко мне в Чарльстон явился его слуга Юпитер. Я никогда, еще не видал добродушного старого негра в таком отчаянии и не на шутку испугался, — не случилось ли беды с моим приятелем.

— Что нового, Джэп? — спросил я, — как дела? Как поживает твой господин?

— Сказать правду, масса, хозяин поживает не хорошо, не так здоров.

— Не здоров? Вот горе. На что же он жалуется?

— Зачем жаловаться? он никогда не жалуется! но он все-таки очень болен.

— Очень болен, Юпитер? Зачем же ты сразу не сказал? Что же он, слег?

— Нет, нет, не слег... А пропал. Вот что скверно... Я очень боюсь за моего бедного масса Билль...

— Я ничего не понимаю, Юпитер. Ты говоришь, что хозяин твой болен. Что же у него болит? Он тебе не сказал?

— О, масса, я и сам ничего не понимаю. Масса Билль говорит, что он здоров... Но тогда зачем он бродит, опустив голову, глядя себе под ноги, сгорбившись и весь бледный, белый, как гусь? . . И зачем все пишет да пишет? . .

— Что пишет, Джэп?

— Цифры да значки на аспидной доске. . . Таких странных значков я никогда не видывал. . . Ну, право ж, мне что-то страшно. . . Все стерегу его, глаз с него не спускаю. Намедни убежал до свету и пропал на весь день... Я срезал добрый сук на палку, чтобы его проучить, как следует, но духу у меня, дурака, не хватило: он такой несчастный — глядеть жалко. . .

— А, вот что! . . Ну, кажется, ты все-таки хорошо сделал, пожалев его. . . Нет, мой друг, бить его не надо, — он этого не вынесет... Но как ты думаешь, чем он болен, что с ним такое? Не было ли у него какой-нибудь неприятности после того, как мы с ним виделись?

— Нет, масса, после того неприятности не было, но до того была. . . да, боюсь, что в тот самый день. . .

— Что? . . Что ты говоришь?

— Я говорю о жуке, масса, — вот что!

— О чем?

— О жуке... Я знаю, жук укусил его в голову.

— Откуда ты это знаешь?

— Я видел, какие у него когти и пасть. Никогда я не видывал такого злого жука: хватает и кусает все, что попадет ему в лапы. Масса Билль поймал его, но тотчас же выпустил, — тогда он его и укусил. Не нравится мне этот жук: я взял его не голой рукой, а в бумажку, и кончик бумажки в пасть ему сунул, — вот как я его взял.

— Ты думаешь, что жук укусил его, и от этого он заболел?

— Ничего я не думаю, — я знаю. Почему ему все снится золото? Золотой жук укусил, — вот почему! Знаю я этих золотых жуков. . .

— А почему ты знаешь, что ему снится золото?

— Почем знаю? А все бредит золотом, на-яву и во сне, — вот почем знаю!

— Ну, может быть, ты и прав, Джэп; но какому счастливому обстоятельству обязан я честью твоего посещения?

— Что такое, масса?

— Ты с каким-нибудь поручением от г. Леграна?

— Нет, масса, у меня только письмо, — с этими словами Юпитер подал мне записку следующего содержания:

«Дорогой мой — что это вас не видно? Неужели вы обиделись на какую-нибудь brusquerie с моей стороны; нет, это невероятно.

С тех пор, как мы виделись с вами в последний раз, меня одолевают заботы. Мне нужно рассказать вам об одной вещи; но как рассказать, — я и сам не знаю; не знаю даже, следует ли рассказывать.

В последнее время мне нездоровилось, и старикашка Юпитер измучил меня своими заботами. Поверите ли? наднях он вырезал здоровенную палку и хотел прибить меня за то, что я ушел утром, не разбудив его, и проблуждал весь день, один, среди холмов. Кажется, только мой болезненный вид избавил меня от побоев.

Со времени нашей последней встречи я ничего не прибавил к своей коллекции.

Если возможно, приезжайте с Юпитером. Приезжайте. Мне бы хотелось видеть вас сегодня по важному делу. Уверяю вас, по в высшей степени важному делу. Весь ваш

Вильям Легран».

Что-то особенное в тоне этой записки серьезно обеспокоило меня. Она совсем не походила на письма Леграна. Что за фантазия пришла ему в голову? Какая новая греза обуяла его впечатлительный ум? Какое «в высшей степени важное дело» могло случиться у него? Рассказ Юпитера не сулил ничего доброго. Я опасался, что постоянные неудачи в конце концов серьезно повредили рассудок моего друга. В виду этого я, не медля ни минуты, отправился с негром.

У берега нас ожидала лодка, на дне которой я увидел косу и два заступа.

— Что это, Джэп? — спросил я.

— Коса и лопаты, масса.

— Вижу, да на что они?

— Масса Билль велел мне купить их в городе и я заплатил за них чортову уйму денег.

— Что же твой масса Билль будет делать с косой и лопатами? Объясни мне, ради всего, что есть в мире таинственного!

— Этого я не знаю, и чорт бы меня побрал, коли он сам это знает. Но это все жук наделал!

Видя, что от Юпитера, мысли которого сосредоточились на жуке, ничего путного не добьешься, я уселся в лодку и поднял парус. Свежий сильный ветер живо доставил нас в заливчик к северу от форта Моультри; отсюда мы прошли пешком к хижине. Было около трех часов пополудни, когда мы до нее добрались. Легран ожидал нас с нетерпением. Он схватил и пожал мою руку с судорожной поспешностью, которая усилила мои подозрения. Лицо его поразило меня своей призрачной бледностью; глубокие глаза светились неестественным блеском. Осведомившись об его здоровье и не зная, что еще прибавить, я спросил его, получил ли он скарабея от поручика Г.

— О, да — отвечал он, сильно покраснев, — получил на другое утро. Я ни за что не расстанусь с этим скарабеем. Ведь, Юпитер-то прав!

— В чем прав? — спросил я, предчувствуя беду.

— Помните, он говорил, что жук из чистого золота. — Эти слова Легран произнес тоном глубокого убеждения, причинившим мне невыразимую боль.

— Этот жук составит мое счастье, — продолжал он с торжествующей улыбкой, — возвратит мне мои наследственные имения. Как же мне не восхищаться им? Судьба послала его мне, и я должен только суметь пустить его в ход, чтобы найти золото, которое он указывает. Юпитер, принеси Жука!

— Что? жука, масса? Нет, я не тронусь с места для жука — несите сами!

Легран встал с важным и серьезным видом, достал жука из коробки и показал мне. Скарабей был действительно очень красив, породы в то время еще неизвестной натуралистам — находка для науки драгоценная. На верхнем конце спинки у него было два черных пятнышка, на нижнем одно, по длиннее. Твердые блестящие надкрылья горели, как золото. Насекомое оказалось замечательно тяжелым, так что, приняв в соображение все эти обстоятельства, я не удивился мнению Юпитера; но решительно не понимал, как мог Легран согласиться с подобным мнением.

— Я послал за вами, — сказал он торжественным голосом, когда я осмотрел жука, — я послал за вами, чтобы просить у вас совета и помощи для осуществления указаний судьбы и жука . . .

— Дорогой Легран, — воскликнул я, перебивая его, — вы не здоровы, вам следует быть осторожным. Ложитесь-ка лучше в постель, а я останусь, с вами несколько дней, пока вы поправитесь. У вас лихорадка и . . .

— Пощупайте мой пульс, — сказал он.

Я пощупал и, правду сказать, не заметил ни малейших признаков лихорадки.

— Но вы можете быть больны и без лихорадки. Послушайте меня хоть раз. Во-первых, ложитесь в постель. Во-вторых. . .

— Вы ошибаетесь, — перебил он, — я здоров, как только можно быть здоровым при моем возбуждении. Если вы действительно расположены ко мне, помогите мне избавиться от этого возбуждения.

— Как же я могу вам помочь?

— Очень просто. Я предпринимаю с Юпитером небольшую экскурсию на материк; в этой экскурсии нам понадобится помощь третьего лица, на которое мы могли бы положиться. Вы единственный человек, которому я могу доверять. Удастся ли нам или нет, во всяком случае, мое возбуждение пройдет.

— Я рад вам помочь всем, чем могу, отвечал я, — но скажите: этот проклятый жук имеет связь с вашей экскурсией?

— Да.

— В таком случае, Легран, я не могу принять участия в этом нелепом предприятии.

— Жаль, очень жаль, придется нам взяться за него одним.

— Одним! Нет, он с ума сошел! . . . Пойдите! . . . Надолго вы думаете отправиться?

— По всей вероятности, на всю ночь. Мы едем сейчас, а вернемся на рассвете.

— Дайте же мне слово, что, когда ваша причуда будет исполнена и история с жуком... Господи!.. уладится к вашему удовольствию, вы вернетесь домой и будете слушаться меня, как слушались бы своего врача.

— Извольте, даю слово; а теперь в путь, нам нельзя терять времени.

С тяжелым сердцем последовал я за своим другом. Мы отправились в четыре часа, — Легран, Юпитер, собака и я. Юпитер потащил косы и заступы; он, во что бы то ни стало, хотел нести все эти орудия сам, повидимому, не столько вследствие избытка усердия или любезности, сколько потому, что боялся доверить их своему господину.

Он был зол, как собака, и единственные слова, вырвавшиеся из уст его во все время пути, были: «Проклятый жук!» Я нес пару потайных фонарей, а Легран скарабея. Он привязал его на веревочку и размахивал ею с видом заклинателя. При виде этого слишком ясного доказательства безумия моего друга я едва мог удержаться от слез. Но я, все-таки, счел за лучшее потакать его причудам, пока не представится случай принять более действительные меры с надеждой на успех. Мне не, удалось, однако, добиться толку насчет цели нашего путешествия. Убедив меня отправиться с ним вместе, он, повидимому, не желал разговаривать о менее важных предметах и на все мои вопросы отвечал только: — Увидим!

Мы переправились через пролив на челне и, поднявшись на высокий берег материка, направились в северо-западном направлении. В этой дикой унылой местности, кажется, еще не ступала нога человеческая. Легран шел без колебаний, останавливаясь время от времени и проверяя путь по заметкам, которые он сделал, повидимому, в одну из прежних прогулок.

Так шли мы часа два и к закату солнца очутились в местности еще более унылой. Это был род плоскогорья близ вершины почти неприступного холма, густо заросшего лесом и усеянного огромными скалами, которые, повидимому, свободно лежали на земле, так что многие скатились бы вниз, если бы их не задерживали деревья. Глубокие ущелья, пересекавшие эту местность по всем направлениям, придавали ей еще более мрачный и торжественный вид.

Площадка, по которой мы шли, густо заросла цепкими кустарниками, сквозь которые невозможно было продраться без помощи косы. Юпитер, по приказанию своего барина, принялся расчищать нам тропинку к подножию огромного тюльпанного дерева, которое возвышалось среди нескольких дубов, далеко превосходя их и все остальные деревья, попадавшиеся в этой местности, красотой листьев и очертаний, длиной раскидистых ветвей и общим величавым видом. Когда мы добрались до этого дерева, Легран спросил Юпитера, может ли он взлезть на него. Старик, повидимому, был несколько удивлен этим вопросом и не сразу ответил. Наконец, он подошел к высокому стволу, медленно обошел вокруг него и внимательно осмотрел дерево. Затем, кончив осмотр, сказал:

— Да, масса, нет такого дерева, на которое бы Юпитер не взлез.

— Ну, так взлезай же поскорее, а то стемнеет, и мы не успеем кончить работу.

— Высоко лезть, масса? — спросил Юпитер.

— Сначала до первых ветвей, а там я скажу, куда. . . постой! захвати с собой жука.

— Жука, масса Билль? Золотого жука? — воскликнул негр, отшатнувшись, — зачем жуку лазить на дерево? не хочу!

— Послушай, Джэп, если ты, здоровый рослый негр, боишься этой безобидной мертвой твари, то можешь держать ее на веревочке, — но, во всяком случае, ты возьмишь его с собой, или я принужден буду проломить тебе голову этим заступом.

— Ах, боже мой, масса., — возразил Джэп, которого стыд сделал более уступчивым. — Зачем вы всегда оби-

жаете вашего старого негра? Я пошутил. Чего мне бояться жука! Жук — вздор! — Тут он осторожно взял конец веревочки и, стараясь держать жука как можно дальше от себя, полез на дерево.

Тюльпанное дерево, *Liriodendron tulipiferum*, великолепнейшее из американских деревьев, в молодости имеет совершенно гладкую кору и часто не дает боковых сучьев до значительной высоты; но с возрастом кора становится шероховатой и неровной, так как на стволе появляется множество коротеньких сучков. Таким образом, влезть на дерево было не так трудно, как казалось. Охватив высокий ствол как можно плотнее руками и коленями, цепляясь за всякий выступ руками и упираясь бо-сьми ногами в выступы коры, Юпитер полез на дерево и, раза два-три счастливо избежав падения, взобрался, наконец, на первый большой сук и уселся на нем, считая, повидимому, свою задачу оконченной. Действительно, опасность теперь миновала, хотя сук находился на высоте шестидесяти или семидесяти футов.

— Куда теперь лезть, масса Билль? — спросил он.

— Взбирайся вверх по самой большой ветке, — вон той, видишь? — крикнул Легран. — Негр тотчас повиновался и, повидимому, без особенных затруднений стал взбираться все выше и выше, пока его коренастая фигура не исчезла в густой листве. Наконец, послышался голос его:

— Что теперь делать?

— Далеко ли ты забрался?

— Далеко, — далеко, — отвечал негр, — вижу небо сквозь ветви.

— Оставь небо в покое и слушай меня. Сосчитай, сколько суставов на ветке от ствола до того места, где ты сидишь.

— Одна, две, три, четыре, пять, — на шестой я сижу, масса.

— Поднимись еще на один сустав.

Через несколько мгновений Юпитер закричал, что добрался до седьмого сустава.

— Теперь, Юпитер, — крикнул Легран с видимым вол-

нением, — подымайся по седьмому суставу и, если увидишь на нем что-нибудь особенное, скажи мне..

К этому времени у меня не оставалось никаких сомнений насчет болезненного состояния моего друга. Мне казалось очевидным, что он находится в припадке умопомешательства., и я с беспокойством думал, как бы увести его домой. Пока я соображал, как за это взяться, голос Юпитера послышался снова.

— Страшно лезть на этот сук — он совсем гнилой, сломится.

— Ты говоришь, гнилой, Юпитер? — крикнул Легран прерывающимся голосом.

— Да, масса, гнилой, мертвый, как гвоздь — совсем не живой.

— Господи, что же мне делать? — воскликнул Легран с отчаянием.

— Что делать? — подхватил я, радуясь случаю вмешаться, — иди домой и лечь спать. Пойдемте! — уже поздно, и притом вы обещали.

— Юпитер, — крикнул Легран, не обратив ни малейшего внимания на мои слова, — слышишь ли ты меня?

— Да, масса Билль, очень хорошо слышу.

— Попробуй дерево ножом, — очень оно гнилое?

— Гнилое, но не очень, масса, — отвечал негр спустя несколько мгновений, — бывает хуже. Я мог бы и дальше лезть — только один...

— Один? что ты хочешь сказать?

— Я говорю про жука. Жук очень тяжел. Надо его бросить — тогда сук не сломится от одного негра.

— Ах, ты, чортова кукла! — закричал Легран с видимым облегчением. — Только попробуй у меня бросить жука — и я сверну тебе шею. Слушай, Юпитер, — слышишь ты меня?

— Да, масса, зачем так ругать бедного негра?

— Ладно, слушай хорошенько: если ты влезешь на этот сук и не выпустишь жука, я подарю тебе серебряный доллар.

— Влез, масса Билль, — крикнул негр, — вот я на самом конце.

- На самом конце! — неистово завопил Легран,
— ты на самом конце сука?
- Сейчас будет конец, масса, — о-о-о-ой! Иисусе Христе! что тут на дереве!
- Что, что такое? — радостно воскликнул Легран.
- Ничего, масса, только какой-то череп — кто-то оставил свою голову на суку, а вороны поклевали мясо до крошечки.
- Череп, говоришь? — отлично! — как он прикреплен к стволу? — чем?
- Сейчас, масса, надо посмотреть. Вот как странно — ей-богу — гвоздь в черепе, большой гвоздь.
- Ладно, Юпитер, — делай теперь, что я буду тебе говорить, — слышишь?
- Да, масса.
- Слушай же, — отыщи левый глаз черепа.
- А! Э! да! тут совсем нет левого глаза.
- Проклятый олух! Знаешь ты свою левую руку?
- Да! знаю! хорошо знаю! — вот левая — вот, на суку.
- Ну, да, ты левша; и твой левый глаз там же, где левая рука. Теперь, надеюсь, ты отыщешь левый глаз черепа, или то место, где должен быть левый глаз. Нашел?
- Наступила продолжительная пауза. Наконец, негр спросил:
- Левый глаз на черепе, где левая рука на черепе, да? — главная причина, что на черепе нет руки, — ни ку-сочка! . . . Нашел левый глаз — вот левый глаз — что с ним делать?
- Пропусти в него жука, насколько позволит шнурок, — только смотри, не урони.
- Готово, масса Билль — очень просто — смотрите, жук спускается.
- В течение этого разговора Юпитер оставался невидимым; но жук, которого он пропустил в орбиту черепа, вскоре показался на конце шнурка, сверкая точно шарик, червонного золота в последних лучах заходящего солнца, озарявших слабым светом возвышенность, на которой мы стояли. Scarabaeus висел как раз над нами, и, если бы

Юпитер выпустил его, упал бы к нашим ногам. Легран немедленно взял косу и расчистил пространство в три или четыре ярда в поперечнике, под жуком, — затем велел Юпитеру выпустить шнурок и слезть с дерева.

Воткнув колышек в том самом месте, где упал жук, мой друг достал из кармана землемерную ленту. Прикрепив один конец, к дереву в ближайшей к колышку точке, он начал разворачивать ее по направлению от дерева через колышек и отмерил таким образом пятьдесят футов — Юпитер расчищал ему дорогу косой. Тут он вколол другой колышек и велел Юпитеру расчистить вокруг него небольшое пространство, около четырех футов в диаметре. Затем, взяв заступ и дав по заступу мне и Юпитеру, попросил нас рыть как можно усерднее.

Правду сказать, я охотно отказался бы от этого удовольствия, так как наступала ночь, а я и без того был утомлен нашим путешествием; но мне не хотелось расстраивать моего бедного друга. Если бы я мог рассчитывать на помощь со стороны Юпитера, то увел бы безумца домой; но я слишком хорошо знал старого негра, чтобы рассчитывать на его поддержку. Я был уверен, что Легран помешался на какой-нибудь из бесчисленных историй о кладах, и что эта химера засела в нем под влиянием находки скарабея или упорных заявлений Юпитера, будто этот жук «из чистого золота».

Мозг, расположенный к помешательству, легко поддается таким внушениям — особенно, если они согласуются с его предвзятыми идеями, — а я хорошо помнил слова бедняги о жуке, который «составит его счастье». Вообще, я был жестоко расстроен, но в конце концов решил покориться неизбежному, взяться за лопату, и, таким образом, на деле доказать безумцу несостоятельность его химер.

Мы зажгли фонари и принялись за работу с усердием, достойным лучшей участи. Озаренные дрожащим светом фонарей, мы, без сомнения, представляли очень живописную группу, и я невольно подумал, какое странное и дикое впечатление произвела бы наша работа на случайного путника, если бы он зашел в этот уголок.

Мы рыли очень усердно в течение двух часов, лишь

изредка обмениваясь словами. Больше всего нам мешала собака, повидимому, очень интересовавшаяся нашей работой. Наконец, она подняла такой отчаянный вой, что мы стали не на шутку опасаться, как бы она не возбудила тревоги в окрестностях. То есть, опасался Легран, — я был бы рад появлению посторонних, которые помогли бы мне отвести его домой. Впрочем, этот вой был вскоре прекращен Юпитером, который с решительным видом завязал морду собаки собственной подтяжкой, а затем, значительно ухмыляясь, снова взялся за заступ.

Наконец, мы вырыли очень глубокую яму, а никаких следов сокровища не было видно. Наступило молчание, и я начал надеяться, что комедия кончена. Однако, Легран, хотя, очевидно, смущенный, отер потный лоб и снова взялся за заступ. Мы вырыли яму на пространстве всего расчищенного круга в четыре фута диаметром, в глубину более двух футов. Ничего не оказывалось. Наконец, искатель кладов, о котором я глубоко сожалел, выскок из ямы, видимо, очень расстроенный, и принялся медленно, неохотно надевать пальто, которое снял перед началом работы. Я молчал. Юпитер, по знаку своего господина, стал собирать инструменты. Затем, развязав морду собаке, мы в глубоком молчании направились домой.

Мы отошли шагов на двенадцать, как вдруг Легран, с громким ругательством, кинулся на Юпитера и схватил его за ворот. Изумленный негр выпучил глаза, разинул рот, уронил инструменты и упал на колени.

— Бездельник! — прошипел Легран сквозь зубы, — проклятый черный негодяй! — говори! — отвечай сию же минуту без уверток! — где у тебя левый глаз?

— О, беда моя, масса Билль! Вот левый глаз, вот он! — ревел испуганный негр, накрыв рукой свой правый глаз и прижав ее плотно, как будто боялся, что господин немедленно вырвет его.

— Я так и думал! — я знал это! ура! — воскликнул Легран, отпустив негра и пустившись в пляс, к великому изумлению своего слуги, который в оцепенении смотрел то на меня, то на своего господина.

— Идем! мы должны вернуться, — сказал тот, —

не все еще потеряно! — с этими словами он направился обратно к тюльпанному дереву.

— Юпитер, — сказал он, когда мы подошли к его подножию, — поди сюда! как был прибит череп: лицом наружу или к стволу?

— Наружу, масса, — воронам удобно было клевать глаза.

— Так в этот или в этот глаз ты опустил жука? — продолжал Легран, дотрагиваясь поочередно до обоих глаз негра.

— Этот, масса — левый — я верно говорю, — отвечал Юпитер, попрежнему указывая на правый глаз.

— Хорошо, — в таком случае нужно начать сызнава.

Тут мой друг, помешательство которого становилось для меня все очевиднее, переставил колышек, воткнутый в том месте, где упал жук, на три дюйма к западу. Затем протянув ленту от ближайшей точки ствола к колышку, отмерил в том же направлении пятьдесят футов и остановился в нескольких ярдах от старого места.

Около этого пункта расчистили круг несколько больше первого и снова взялись за лопаты. Я устал страшно, но, не знаю почему, не чувствовал такого отвращения к работе, как прежде. Я даже заинтересовался ею, — мало того, — испытывал волнение не на шутку. Может быть, в странных выходках Леграна проскальзывали признаки здравого рассудка, обдуманности, действовавшие на меня. Я рыл усердно и, время от времени, ловил себя на том, что и сам я поглядываю на яму с чувством, весьма похожим на ожидание сокровища, мысль о котором свела с ума моего злополучного друга. В то самое время, когда эти безумные мысли с особенной силой овладели мной, собака снова принялась лаять. В первый раз ее лай был, очевидно, следствием каприза или резвости, но теперь в нем слышались более серьезные и злобные ноты. Юпитер попытался было снова связать ей морду, но собака оказала отчаянное сопротивление и, бросившись в яму, принялась рыть землю лапами. Вскоре она откопала груды человеческих костей, — два полных скелета, среди которых валялось несколько металлических пуговиц и остатки истлевшей шерстяной ткани. Два-три удара засту-

пом отрыли лезвие большого испанского ножа, потом несколько золотых и серебряных монет.

При виде их Юпитер не мог удержаться от радостного восклицания, но лицо Леграна омрачилось. Как бы то ни было, он просил нас продолжать работу и не успел договорить, как я споткнулся и упал, зацепив ногою за железное кольцо, полузарытое в земле.

Теперь мы с жаром принялись за работу, и никогда еще я не испытывал такого волнения. Вскоре мы вырыли продолговатый деревянный сундук, удивительно хорошо сохранившийся и твердый, как камень, — очевидно, дерево было пропитано каким-нибудь веществом — может быть, сулемой. Сундук имел три с половиной фута в длину, три фута в ширину и два с половиной в высоту. Он был окован железными полосами, перекрещивавшимися в виде сети. С каждой стороны было по три железных кольца, всего шесть, так что шесть человек могли бы взяться за него. Наши соединенные усилия могли только чуть-чуть передвинуть этот ящик. Мы тотчас убедились, что не справимся с такой тяжестью. К счастью, он был заперт только двумя задвижками. Мы отодвинули их, дрожа, как в лихорадке. Несчетное сокровище открылось перед нами. Когда мы направили на сундук наши фонари, груды золота и драгоценных камней засверкала почти нестерпимым блеском.

Не берусь передать мои чувства при виде этого зрелища. Изумление, конечно, господствовало над всеми остальными. Легран, казалось, изнемогал от волнения и почти ничего не говорил. Лицо Юпитера сначала открылось смертельною бледностью, насколько это возможно для негра. Он был точно громом поражен. Потом бросился на колени перед ящиком и засунул руки по локоть в груды золота, точно наслаждаясь этим осязанием. Наконец, перевел дух и воскликнул, обращаясь к самому себе:

— И все это золотой жук! милый золотой жук! бедный золотой жучек! я так бранил его! Не стыдно тебе, негр? — отвечай!

Наконец, я напомнил господину и слуге, что не мешает подумать о возвращении. Необходимо было перенести со-

кровище домой до рассвета. Мы не знали, как быть, и долго обсуждали этот вопрос: так смутны были наши мысли. В конце концов мы вынули из сундука почти две трети сокровищ, после чего могли нести его. Вынутое богатство мы спрятали в кустарник и оставили собаку сторожить со строжайшим наказом со стороны Юпитера не трогаться с места и не разевать пасти до нашего возвращения. Затем мы поспешили домой с сундуком и добрались до хижины благополучно, но страшно усталые, к часу ночи. Человеческая природа требовала отдыха. Мы отдыхали до двух часов, поужинали, а затем отправились к месту находки, захватив с собою три мешка, случайно оказавшиеся в хижине. Около четырех часов мы были на месте, разделили на три части оставшееся сокровище и, бросив яму не зарытой, снова направились к хижине, где и сложили наш груз в ту минуту, когда первые полосы света озарили восток.

Мы были разбиты в конец, но возбужденное состояние не позволяло нам отдохнуть. Проспав часа три-четыре тяжелым, беспокойным сном, мы разом, точно согласившись, вскочили и принялись считать сокровище.

Сундук был полон до краев, так что мы провели весь день и часть следующей ночи за разборкой его содержимого. Оно было навалено грудой, без всякого порядка.

Сосчитав, мы убедились, что богатство еще больше, чем казалось с первого взгляда. Тут было более четырехсот пятидесяти тысяч долларов звонкой монетой, вычисляя стоимость золота по текущему курсу. Серебра вовсе не было, — исключительно золотые, старинной чеканки и разных стран: французские, испанские, немецкие, несколько английских гиней и каких-то монет, о которых мы и понятия не имели. Попадались тяжелые, большие монеты, настолько стертые, что нельзя было разобрать надпись. Американских не было вовсе. Стоимость драгоценных камней мы затруднялись определить. Были и алмазы — некоторые замечательной красоты и редкой воды — всего сто десять штук, в том числе ни одного мелкого; восемнадцать рубинов удивительного блеска; триста десять прекрасных изумрудов; двадцать один сапфир и один опал. Все эти камни были вынуты из оправ и

свалены в сундук вместе с золотыми. Сами оправы были скомканы и сплющены молотком, по всей вероятности, для того, чтобы их не могли узнать. Кроме всего этого, в сундуке оказалось множество золотых украшений: около двухсот массивных колец и серег; великолепные цепи — тридцать штук, если не ошибаюсь; восемьдесят три больших тяжелых распятия, огромная золотая пуншевая чаша, украшенная резьбой в виде виноградных листьев и вакхических фигур; пять золотых кадилниц, очень ценных; две рукоятки шпага изящной работы, и много мелких вещиц, которых я и не упомяну. Вес этих драгоценностей превосходил триста пятьдесят фунтов торговой меры, не считая ста девяноста семи великолепных золотых часов, в числе которых были стоившие не менее пятисот долларов. Многие из них были очень старинной работы, с попорченным механизмом, негодные для употребления, но с богатыми инкрустациями и в дорогих футлярах. Стоимость всего содержимого ящика представляло, по нашему расчету, полтора миллиона долларов, но, впоследствии, по продаже драгоценностей и золотых вещей (мы сохранили лишь немногие для собственного употребления), оказалось, что наша оценка была слишком низкой.

Когда, наконец, мы кончили разборку драгоценностей, и первоначальное возбуждение несколько улеглось, Лэгран, заметив, что я стораю нетерпением разгадать эту необычайную загадку, приступил к подробному рассказу.

— Помните, — сказал он, — тот вечер, когда я передал вам грубый набросок *scarabaeusa*? Помните также, как я рассердился на вас за то, что вы уверяли, будто мой рисунок напоминает череп? Сначала я думал, что вы шутите; но, вспомнив о пятнышках на спинке насекомого, согласился, что ваше сравнение не лишено основания. Но все же насмешка над моим рисунком раздражила меня — так как я считаюсь хорошим рисовальщиком, — и, когда вы возвратили мне этот клочек пергамента, я хотел смять его и бросить в печку.

— Клочек бумаги, хотите вы сказать? — заметил я.

— Нет, я сам думал сначала, что это бумага, но, начав рисовать, тотчас убедился, что это клочек очень тонкого

пергамента. Он был очень грязен, если припомните. Так вот, когда я хотел скомкать его, мой взгляд упал на рисунок, который вы рассматривали, и можете себе представить мое изумление, когда я действительно увидел череп в том месте, где, казалось мне, нарисовал жука. В первую минуту я не мог ничего понять. Я знал, что мой рисунок резко отличался от этого, хотя в общих очертаниях было известное сходство. Наконец, я взял свечу, уселся в углу и стал тщательно исследовать пергамент. Повернув его, я нашел свой рисунок на другой стороне. Мое первое чувство было удивление, вызванное замечательным сходством очертаний и странным совпадением: в самом деле, рисунок черепа находился как раз под моим рисунком и так походил на него. Как я уже сказал, это странное совпадение совершенно ошеломило меня в первую минуту. Таково обычное действие подобных совпадений. Ум старается установить связь — отношения причины и следствия — и, не находя ее, сбивается с толку. Но, собравшись с мыслями, я мало-малу пришел к убеждению, которое поразило меня еще сильнее. Я начал отчетливо, ясно припоминать, что никакого рисунка на пергаменте не было, когда я рисовал моего scabaeus'a. Я был совершенно убежден в этом, помня, что я переворачивал клочек на обе стороны, отыскивая местечко почище. Будь на нем рисунок черепа, я не мог бы не заметить его. Тут в самом деле была тайна, которой я не мог объяснить; но даже в ту первую минуту удивления в глубине моей души уже закопошилась мысль об истине, так блистательно оправдавшаяся в прошлую ночь. Я встал и, спрятав пергамент, решил отложить всякую попытку объяснения до тех пор, пока не останусь один.

Когда вы ушли, а Юпитер улегся спать, я принялся за более тщательное расследование. Прежде всего, я припомнил, каким образом попал ко мне пергамент. Мы нашли скарабея на берегу материка, на расстоянии мили от острова, недалеко от верхней линии прилива. Когда я схватил его, он укусил меня так сильно, что я выпустил его. Юпитер, со своей обычной осторожностью, прежде чем схватить жука, оглянулся, нет ли по близости

листа или чего-нибудь подобного. В эту-то минуту взгляд его — и мой также — упал на листок пергамента, который тогда показался мне листком бумаги. Он лежал полузарытый в песке, высунувшись одним уголком наружу. Подле него я заметил обломки длинной лодки. Должно быть, они тлели здесь давно, потому что утратили почти всякое сходство с лодкой.

Итак, Юпитер схватил пергамент, завернул в него жука и подал мне. Вскоре после этого мы отправились домой и по дороге встретили поручика Г. Я показал ему насекомое, и он попросил его у меня на время. Я согласился, он положил жука в карман, а пергамент остался у меня в руках. Может быть, он боялся, что я передумаю, и оттого поспешил спрятать жука — вы знаете его пристрастие к естественной истории. В то же время, совершенно машинально, я сунул пергамент в карман.

Вы помните, что, усевшись за стол с целью нарисовать жука, я не нашел под рукой бумаги. Я заглянул в стол — и там ее не оказалось. Я пошарил в карманах — не найду ли какой-нибудь записки — и мне под руку попался пергамент. Я описываю так подробно, каким образом он попал в мою руку, потому что все эти обстоятельства произвели на меня глубокое впечатление.

Без сомнения, вы сочтете меня фантазером, но я уже установил известного рода связь между явлениями. Я сомкнул два звена цепи. На берегу валялась лодка, а подле нее пергамент — не бумага, заметьте — с изображением черепа. Вы, конечно, спросите: «где же тут связь?». Я отвечаю, что череп или мертвая голова — давнишняя эмблема пирата. При нападениях они всегда поднимали флаг с изображением мертвой головы.

Я сказал, что клочек оказался пергаментом, а не бумагой. Пергамент долго сохраняется — почти вечно. Для пустяков редко употребляют пергамент, тем более, что на нем не так удобно рисовать или писать, как на бумаге. Это соображение наводило на мысль о какой-нибудь тайне — об особом смысле, связанном с мертвой годово́й. Я не мог не обратить внимания и на форму пергамента. Хотя один из его уголков был оборван, но первоначальная форма, очевидно, была продолговатая.

Словом, это был именно такой листок, какие употребляются для важных записок, которые надо хранить.

— Но, — перебил я, — вы сказали, что черепа не было на листке, когда вы рисовали жука. Какая же может быть связь между лодкой и черепом, если этот последний, по вашим же словам, был нарисован (бог знает кем) после того, как вы нарисовали скарабея?

— А, на этом-то и вертится вся тайна; хотя именно в этом отношении разгадка не была для меня особенно трудной. Мои рассуждения были строго логичны и могли привести лишь к одному выводу. Я рассуждал так: когда я рисовал *scarabaeus*'а, на пергаменте не было черепа. Кончив рисунок, я передал его вам, и смотрел на вас все время, пока вы не возвратили мне листок. Стало быть, вы не могли нарисовать череп, а, кроме вас, рисовать было некому. Стало быть, он не был нарисован. И, однако, он был на пергаменте.

Добравшись до этого пункта в своих рассуждениях, я стал припоминать и припомнил совершенно ясно все, что случилось в течение этого времени. Погода была холодная (о, редкая и счастливая случайность!), и в печке горел огонь. Я разогрелся от ходьбы, и сел за стол. Вы же придвинули стул к самой печке. Как только я передал вам пергамент, Вольф, ньюфаундленд, ворвался в хижину и бросился к вам на плечи. Левой рукой вы погладили и отстранили его, а правую, с пергаментом, машинально опустили между колен к самому огню. Я уже думал, что она вспыхнет и хотел предупредить вас, но в эту самую минуту вы подняли ее и стали рассматривать. Обсудив все эти обстоятельства, я ни минуты не сомневался, что причиной, вызвавшей на пергаменте рисунок черепа, была теплота. Вы знаете, что существуют химические соединения — существуют с незапамятных времен — с помощью которых можно писать на бумаге или пергаменте, при чем буквы остаются невидимыми, пока не будут подвергнуты действию теплоты. Иногда употребляют сафлор, растворенный в *aqua regia* и разведенный четырьмя обемами воды: получаются зеленые буквы. Кобальтовый королек, растворенный в азотной кислоте, дает красные буквы. Эти

цвета исчезают вскоре по охлаждении бумаги, но появляются снова, если нагреть ее.

Я внимательно рассмотрел рисунок головы. Ее внешние очертания, то есть ближайšie к краям пергамента, выделялись резче, чем остальная часть рисунка. Очевидно, действие теплоты было неравномерно. Я тотчас развел огонь и стал нагревать пергамент. Сначала только выступили яснее очертания черепа; но потом в уголке листка, диагонально противоположному тому, где находился рисунок черепа, показалась фигура, которую я принял сначала за изображение козы. Но, при ближайшем исследовании, я убедился, что оно походит скорее на козленка.

— Ха, ха, — перебил я, — я не в праве смеяться над вами, — полтора миллиона чистоганом вещь достаточно серьезная, но вы не отыщете третьего звена цепи, — вам не удастся установить связь между пиратом и козой — какое дело пиратам до коз? тут скорей что-то сельско-хозяйственное замешано.

— Но, ведь, я сказал, что фигура не была изображением козы.

— Ну, козленка, — не все ли равно?

— Почти, но не совсем, — возразил Лэгран. — Приходилось ли вам слышать о некоем капитане Кидде? При первом взгляде на рисунок я догадался, что это должна быть символическая или гиероглифическая подпись¹⁾. Я говорю: подпись, — судя по тому месту, где она находилась. Мертвая голова в противоположном — по диагонали — углу имела вид штемпеля или печати. Но меня сбивало с толку отсутствие самого главного — текста.

— Вы ожидали найти записку между печатью и подписью?

— Что-нибудь в этом роде. Дело в том, что меня неотвязно преследовала мысль о богатстве, связанном с листком. Почему, — я и сам не знаю. Может быть, это было скорее желание, чем вера, но, представьте себе, —

¹⁾ Основанная на созвучии фамилии Kidd с словом Kid (козленок).
Пр. перев.

слова Юпитера насчет золотого жука произвели замечательное действие на мое воображение. Потом весь этот ряд случайностей я совпадений — все это было очень странно. Надо же было всему этому случиться в тот единственный день в течение целого года, когда погода была холодная; и подумать только, что не будь печка затоплена, или появись собака минутой позднее, я никогда не узнал бы о существовании черепа и не сделался бы обладателем сокровища.

— Да, но продолжайте — я весь нетерпение!

— Хорошо; так вы, без сомнения, слышали рассказы — тысячи басен о сокровище, зарытом где-то на берегу Атлантического океана Киддом и его сообщниками. Эти слухи могли иметь основание. И если они существовали так долго и так упорно, то только потому — казалось мне, — что сокровище до сих пор остается не вырытым. Если бы Кидд спрятал свою добычу на время, а потом снова отрыл, — вряд ли бы слухи сохранились в неизменной форме до нашего времени. Заметьте, что все эти рассказы толкуют о кладоискателях, а не о нахождении клада. Если пират отрыл свое богатство, об этом бы вскоре забыли. Мне казалось, что какая-нибудь случайность, например, потеря записки, в которой было обозначено место клада — лишила его возможности овладеть им, — что это обстоятельство сделалось известным его товарищам, которые иначе и не узнали бы о его тайне, — и что они своими бесплодными попытками отыскать сокровище подали повод ко всем этим историям. Приходилось ли вам слышать о находке клада на этом берегу?

— Никогда.

— А между тем известно было, что добыча Кидда должна быть громадной. Итак, я пришел к убеждению, что она еще скрывается в земле, и вам, конечно, не покажется странным, что у меня мелькнула надежда, не содержится ли в пергаменте, так необычайно попавшем в мои руки, описание местности, где зарыт клад.

— Но что же вы сделали потом?

— Я снова стал нагревать листок, усилив огонь: но буквы не появлялись. Тогда я подумал, не зависит ли

это от слоя грязи, осторожно обмыл пергамент, положил его на сковородку рисунком вниз и стал нагревать на легком огне. Через несколько минут сковородка сильно нагрелась; тогда я повернул листок и к невыразимой своей радости заметил на нем какие-то значки, расположенные строчками. Я снова положил листок на сковородку и нагрел ее еще с минуту. После этого выступила вся надпись, которую вы можете видеть.

Тут Легран снова нагрел пергамент и передал его мне. Я увидел между мертвой головой и козленком следующие значки, нарисованные красными чернилами:

$$53 \begin{matrix} + & + \\ + & + \end{matrix} \dagger 305)) 6^*; 4826) 4 \begin{matrix} + \\ + \end{matrix} \dagger 4 \begin{matrix} + \\ + \end{matrix} \dagger); 806^*; 48 \dagger 8 \text{ II } 60))$$

$$85; \text{I} \begin{matrix} + \\ + \end{matrix} \dagger : ;) \begin{matrix} + \\ + \end{matrix} \dagger * 7 \dagger 83 (88) 5^* \dagger; 46 (; 88^* 96^* ? ; 8) * \begin{matrix} + \\ + \end{matrix} \dagger (; 485);$$

$$5^* \dagger 2 : * \begin{matrix} + \\ + \end{matrix} \dagger (; 495 6^* 2 (5^* - 4) 8 \text{ II } 8^*; 4069285);) 6 \dagger 8) 4 \begin{matrix} + & + \\ + & + \end{matrix} \dagger;$$

$$\text{I} \left(\begin{matrix} + \\ + \end{matrix} \dagger 9; 480 8 \text{ I}; 8 : 8 \begin{matrix} + \\ + \end{matrix} \dagger \text{I}; 48 \dagger 85; 4) 485 \dagger 528 806^* 81 \left(\begin{matrix} + \\ + \end{matrix} \dagger 9; \right.$$

$$48; (88; 4 \left(\begin{matrix} + \\ + \end{matrix} \dagger ? 34; 48) 4 \begin{matrix} + \\ + \end{matrix} \dagger; 161; : 188; \begin{matrix} + \\ + \end{matrix} \dagger ?;$$

— Но, — сказал я, возвращая ему листок, — для меня это китайская грамота. Я тут ничего не разберу, хоть бы мне предложили все алмазы Голконды за раз'яснение этой загадки.

— А между тем, — возразил Легран, — разгадать этот шифр вовсе не так трудно, как это вам может показаться с первого взгляда. Очевидно, это шифр, но зная, что такое представлял собой Кидд, я не считал его способным на составление очень сложной тайнописи. Я тотчас решил, что этот шифр должен быть очень простым, — хотя ограниченный ум моряка воображал, что его невозможно разобрать, не зная ключа.

— И вы разобрали?

— Без труда; такие ли письма случалось мне разбирать! Обстоятельства и собственная склонность привели к тому, что я заинтересовался этого рода загадками; и не знаю, может ли человеческое остроумие изобрести такой шифр, которого человеческое же остроумие не в си-

лах было бы разгадать, взявшись за дело надлежащим образом. Раз определив буквы, я никогда не затруднялся разгадать их смысл.

В настоящем случае — да и во всех шифрах — прежде всего являлся вопрос о языке; так как принципы решения, особенно в простых шифрах, определяются духом языка. В большинстве случаев приходится перепробовать (руководясь теорией вероятностей) все языки, известные разгадчику, пока не найдешь надлежащего. Но здесь затруднение устранялось подписью. Игра словами «Kid» и «Kidd» возможна только в английском языке. Не будь этого, я начал бы с испанского или французского, так как пираты испанского моря пользовались преимущественно этими языками.

Вы замечаете, что здесь нет разделения между словами? Будь они отделены друг от друга, задача значительно упростилась бы. В таком случае я начал бы с анализа самых коротких слов, и, если бы попало состоящее из одной буквы (вроде *я* или *и*), я считал бы свою задачу решенной. Но делений не было, и мне оставалось только определить, какие буквы чаще, какие реже встречаются в этом шифре. Пересчитав отдельные значки, я составил следующую табличку:

Знак	8 встречается	33 раза!
» ;	»	26
» 4	»	19
» +)	»	16
» *	»	13
» 5	»	12
» 6	»	11
» †1	»	8
» 0	»	6
» 92	»	5
» :3	»	4
» ?	»	3
» П	»	2
» —	»	1

В английском языке чаще всего встречается буква *e*. Остальные идут в таком порядке: *aoidhnrstuycfgl*

mwbkpqxz. Е господствует до такой степени, что в мало-мальски длинной фразе это почти всегда самая частая буква.

Итак, вот уж у нас и есть основание для поисков не совсем на удачу. Ясно, какое употребление можно сделать из этой таблицы, но в этом шифре мы должны применять ее очень постепенно. Господствующий знак 8, — будем считать его за букву *e*. Чтобы проверить это предположение, посмотрим, часто ли встречается двойной знак — 88, потому что буква *e* в английском языке удваивается очень часто, напр., в словах «meet», «flead», «speed», «seen», «been», «agree» etc. Здесь она удваивается пять раз, хотя криптограмма короткая.

Итак, пусть 8 означает *e*. Теперь из всех слов в английском языке самое употребительное член «the». Рассмотрев шифр, мы находим не менее семи раз сочетание знаков; 48. Мы можем, следовательно, предположить, что; означает букву *t*, 4 — букву *h*, а 8 — букву *e*, — тем более, что она находится на конце. Вот еще важный шаг вперед.

Но, определив; хоть одно слово, мы имеем возможность определить очень важный пункт: различные окончания и начала других слов. Возьмем, например, второе от конца сочетание знаков; 48. Далее следует; — очевидно начальная буква слова, а из следующих пяти значков мы знаем четыре. Заменим же эти шесть значков буквами, оставив свободное место для неизвестной —

t eeth

Буквы *th* нужно отделить, потому что такого окончания нет ни у одного слова, начинающегося с *t*; в этом легко убедиться, поставив все буквы алфавита по очереди на место недостающей. Отделив *th*, мы получаем:

t ee,

и опять таки, перепробовав, если нужно, все буквы алфавита, убеждаемся, что оно может быть только словом

tree (дерево).

Таким образом мы узнали еще букву, *r*, обозначаемую посредством (, и получили слова *the tree*.

Посмотрим, что следует дальше за этими словами. На очень близком расстоянии от них встречаем опять ; 48. Воспользуемся им, чтобы определить окончание. Мы имеем следующий ряд

the tree ; 4 $\begin{pmatrix} \dagger \\ + \end{pmatrix} ? 3 4$ the

Заменяя известные уже нам знаки буквами, получаем

the tree thr $\begin{pmatrix} \dagger \\ + \end{pmatrix} ? 3 h$ the.

Заменяя неизвестные нам знаки точками, читаем

the tree thr . . h the,

тут слово *through* (через) очевидно само собою. Но это открытие дает нам еще три буквы *o*, *u* и *g*, обозначаемые посредством

$\begin{pmatrix} \dagger \\ + \end{pmatrix} ? n 3.$

Отыскивая в шифре сочетание известных нам букв, находим недалеко от начала группу 83(88 или egree, которая, очевидно, может быть только окончанием слова «degree» (градус) и дает нам еще букву *d*, обозначаемую \dagger

Минуя четыре значка после слова *degree*, встречаем ;46 (;88*.

Заменяя известные нам значки буквами, а неизвестные точками, получаем

th . rtee,

очевидно, часть слова *thirteen* (тринадцать). Узнаем еще две буквы *i* и *n*, означаемые посредством б и *.

Обращаясь к началу криптограммы, находим группу

53 $\begin{pmatrix} \dagger \dagger \dagger \\ \dagger \dagger \end{pmatrix}$

Подставляем буквы и читаем good, откуда следует, что первая буква есть *A*, оба слова: «A good».

Теперь расположим наш ключ в виде таблички, во избежание путаницы. Вот она:

5	означает	a	6	означает	i
†	„	d	*	„	n
8	„	e	+	„	o
3	„	g	(„	r
4	„	h	;	„	l

Таким образом мы определили десять самых важных букв, и мне нет надобности объяснять вам дальше подробности истолкования. Теперь вы убедились, что оно не особенно затруднительно и поняли, в чем его суть. Но заметьте: этот шифр относится к самым простым. Теперь мне остается только заменить все значки буквами, т.е. дать вам полный перевод шифра. Вот он:

«A good glass in the bishop's hotel in the devil's seat forty-on degrees and thirtheen minutes northeast and by north main branch seventh limb east side shoot from the left eye of the death's head a bee line from the tree through the shot fifty feet out».

(«Хорошее стекло в доме епископа на тортовом стуле сорок один градус и тринадцать минут норд-норд-ост главный сук седьмой сустав восточная сторона стрелять из левого глаза мертвой головы прямая линия от дерева через выстрел пятьдесят футов за выстрел».)

— Но, — сказал я, — загадка, повидимому, остается неразрешимой. Что это за тарабарщина насчет «дома епископа», «мертвой головы» и «чортова стула».

— Признаюсь, — отвечал Легран, — на первый взгляд она действительно довольно затруднительна. Я прежде всего постарался разделить текст на отдельные фразы.

— То-есть расставить знаки препинания?

— Ну, да, нечто в этом роде.

— Но как же этого добиться?

— Я решил, что автор нарочно не ставил знаков препинания, чтобы затруднить разгадку шифра. Задав-шись такой целью, человек не особенно остроумный непременно должен был пересолить. Там, где кончается

фраза и требуется точка, он наоборот поставил бы слова теснее, чем в остальном тексте. Рассмотрев хорошенько этот листок, вы найдете пять таких мест. Основываясь на этом, я разделил текст следующим образом:

«Хорошее стекло в доме епископа на торговом стуле — сорок один градус и тринадцать минут — норд-норд-ост — главный сук седьмой сустав восточная сторона — стрелять из левого глаза мертвой головы — прямая линия от дерева через выстрел пятьдесят футов за выстрел».

— И все-таки, — заметил я, — даже при таком разделении смысл остается для меня темным.

— И для меня оставался темным, — возразил Легран, — в течение нескольких дней, пока я разузнавал, нет ли где по соседству с Сюзливан-Айлендом какого-нибудь здания, называемого «дом епископа».

Не добившись толку, я намеревался расширить сферу моих поисков и приняться за них более систематично, когда, однажды утром, мне пришло в голову, что слова «Bishop's Hotel» могут относиться к старинной фамилии Бессоп, владевшей когда-то, в незапамятные времена, усадьбой в пяти милях от острова. Я отправился туда и принялся расспрашивать старых негров. Наконец, одна древняя старушка сообщила мне, что она знает место под названием «замок епископа» и может меня провести туда, но что это вовсе не замок и не таверна, а высокая скала.

Я обещал заплатить ей за труды и, помявшись, она согласилась провести меня на это место. Мы нашли его без особенных затруднений; затем, отпустив ее, я принялся за исследование местности. «Замок» представлял группу скал и утесов, — один из них особенно выделялся своей высотой и формой, напоминавшей искусственное сооружение. Я взобрался на его вершину и долго стоял в недоумении, не зная, что теперь предпринять. Пока я размышлял, взгляд мой упал на узкий выступ с восточной стороны скалы, приблизительно на один ярд ниже того места, где я стоял. Он выдавался дюймов на восемнадцать, а в ширину имел не более фута; над ним находилось углубление в стене утеса, так что в общем он напоминал старинные стулья с изогнутыми спинками. Я ни минуты не сомневался, что это и есть «чортов стул»,

о котором упоминается в рукописи. Таким образом я овладел, наконец, тайной.

«Хорошее стекло» могло означать только зрительную трубку, так как слово «стекло» редко употребляется моряками в другом смысле. Очевидно, нужно было смотреть в зрительную трубку с определенного и неизменного пункта. Слова «сорок один градус четырнадцать минут» и «норд-норд-ост» указывали направление трубки. Взволнованный этими открытиями, я поспешил домой, взял зрительную трубку и вернулся к скале.

Взобравшись на выступ, я убедился, что на нем можно усесть только в одном, определенном положении. Это подтверждало мои предположения. Я взялся за зрительную трубку. Слова «сорок один градус четырнадцать минут» могли относиться только к высоте над видимым горизонтом, так как горизонтальное направление указывалось в словах «норд-норд-ост». Определив это последнее направление с помощью карманного компаса, я уставил трубку приблизительно под углом в сорок один градус и стал осторожно приподнимать и опускать ее, пока внимание мое не остановилось на круглом просвете в листве огромного дерева, далеко превосходившего ростом своим соседей. В центре просвета я заметил белую точку, но сначала не мог понять, что это. Наконец, уставив, как следует, трубку, я рассмотрел человеческий череп.

Теперь загадка была решена окончательно, потому что слова «главный сук, седьмой сустав, восточная сторона» могли относиться только к положению черепа на дереве, а слова: «стрелять из левого глаза мертвой головы» — допускали тоже лишь одно объяснение: нужно опустить пулю в левую орбиту черепа, провести прямую линию от ближайшей точки дерева через «выстрел», то-есть через то место, где упадет пуля, и отмерить пятьдесят футов в том же направлении. Таким образом определялось место, в котором, быть может, зарыто сокровище.

— Все это, — сказал я, — до очевидности ясно, и хотя остроумно, но просто и понятно. Что же вы затем предприняли?

— Заметив хорошенько дерево, я вернулся домой. Лишь только я оставил «чортов стул», просвет в листве дерева

исчез, и я не мог его найти больше, как ни высматривал. Все остроумие плана, по моему, в том и заключается, что этот просвет — как я убедился, повторив несколько раз опыт — можно видеть лишь с одной единственной точки, с узкого выступа скалы.

В этой экспедиции меня сопровождал Юпитер, который, без сомнения, заметил мое странное поведение за последнее время и решительно не отставал от меня. Но на следующий день, поднявшись очень рано, я ускользнул от него и отправился разыскивать дерево. После продолжительных поисков мне удалось найти его.

Когда я вернулся домой вечером, Юпитер хотел поколотить меня. Остальное вы знаете.

— В первый раз вы ошиблись местом по милости Юпитера, который опустил жука не в левый, а в правый глаз черепа?

— Именно. Разница составляет всего два с половиной дюйма у «выстрела», то-есть у первого колышка; и если бы сокровище находилось близко от «выстрела», эта ошибка не имела бы значения; но «выстрел» и ближайшая к нему точка дерева указывали только направление линии; и как бы ни была незначительна разница вначале, она возрастала по мере удлинения линии, а на расстоянии пятидесяти футов сделалась очень существенной. Не будь я так глубоко убежден, что сокровище должно находиться где-нибудь поблизости, все наши труды пропали бы даром.

— Но ваше красноречие и загадочные эволюции с жуком — что это за чудачество? Я был уверен, что вы помешались. И почему вам вздумалось опускать в череп жука, а не пулю, например?

— Видите ли, сказать правду, я был раздосадован вашими очевидными сомнениями насчет моего рассудка и решил отплатить вам маленькой мистификацией. Вот почему я проделывал все эти штуки с жуком и воспользовался им вместо пули. Ваше замечание о его тяжести внушило мне эту последнюю мысль.

— Да... понимаю. Теперь остается еще один пункт. Откуда взялись скелеты, которые мы открыли?

— Ну, об этом я так же мало знаю, как и вы. Ка-

жется, тут возможно только одно объяснение, — хотя оно предполагает такую жестокость, что и подумать страшно. Ясно, что Кидд — если только это сокровище Кидда, в чем я не сомневаюсь — не мог зарыть этот клад один, без помощников. Но когда работа была кончено он счел за лучшее отделаться от участников тайны: быть может, два удара ломом — сверху, пока его помощники возились в яме, — прикончили все дело; а может быть и дюжина ударов — почему знать?
